

5.6 / 5.5 ПОЛИТОЛОГИЯ 5.6 / 5.5 СИЁСАТШИНОСӢ 5.6 / 5.5 POLITICS

5.6.2 Политические институты, процессы, технологии

5.6.2 Ниходхо, равандхо ва технологияҳои сиёсӣ

5.6.2 Political Institutes, Processes, Technologies

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.2 Ниходхо, равандхо ва технологияҳои сиёсӣ

5.5.2 Political Institutes, Processes, Technologies

УДК 341.217

DOI 10.24412/3005-8023-2026-1-133-146

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЕАЭС: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ *Герасимович Кристина Александровна, магистр юридических наук, аспирант кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета; главный советник Главного управления законодательства о национальной безопасности, правоохранительной и судебной деятельности Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь (Минск, Беларусь)*

СОХТОРИ ИНСТИТУТСИОНАЛИИ ИИАО: ТАҲЛИЛИ СИЁСӢ-ҲУҚУҚӢ *Герасимович Кристина Александровна, магистри илмҳои ҳуқуқшиносӣ, аспиранти кафедраи сиёсатишиносии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи давлатии Беларус; сармушовири Саридораи қонунгузорӣ оид ба амнияти миллӣ, фаъолияти ҳифзи ҳуқуқ ва судии Маркази миллии қонунгузорӣ ва иттилооти ҳуқуқии Ҷумҳурии Беларус (Минск, Беларус)*

INSTITUTIONAL STRUCTURE OF THE EAEU: POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS *Gerasimovich Kristina Alexandrovna, master of law, post-graduate student of the department of political science at the faculty of law of the Belarusian State University; chief adviser to the main directorate of legislation on national security, law enforcement and judicial activities the National center for legislation and legal information of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus) e-mail: kristina2014ger@gmail.com*

Раскрыты основные функции и полномочия интеграционных органов ЕАЭС. Выделены стадии процесса принятия политических решений. Выявлены факторы, обуславливающие наличие проблем, связанных с функционированием институциональной структуры, и выработаны конкретные инициативы, направленные на повышение ее действенности. В целях исполнения сторонами принятых на себя международно-правовых обязательств, минимизации ограничений, препятствующих реализации целей интеграции, предложено рассмотреть возможность учреждения интеграционного межпарламентского органа. Сформулированы предложения о необходимости расширения компетенции исполнительного органа ЕАЭС, проработки вопроса о создании механизмов

ответственности его членов и обязательного исполнения судебных решений, формализованных в соответствующих международно-правовых актах. Для изучения предметного поля использованы общелогические (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), общенаучные (системный, институциональный, структурно-функциональный подход) методы познания. Основой исследования послужил специальный научный метод – политико-правовой анализ.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграционные процессы, институциональная структура, функции, полномочия интеграционных органов, принятие политических решений, политико-правовой анализ

Вазифаҳо ва ваколатҳои асосии мақомоти ҳамгирии ИИАО ошкор карда шудаанд. Марҳилаҳои қабули қарорҳои сиёсӣ ҷудо карда шудаанд. Омилҳои, ки мавҷудияти мушкилоти марбут ба фаъолияти сохтори институтсионалӣ маршрут месозанд, муайян карда шудаанд ва ташаббусҳои мушаххасе таҳия гардидаанд, ки ба баланд бардоштани муассирии он нигаронида шудаанд. Ба мақсади иҷрои ӯҳдадориҳои байналмилалӣ ҳуқуқи ба зиммаи худ гирифтаи тарафҳо, ба ҳадди ақал расонидани маҳдудиятҳои, ки ба амалӣ шудани ҳадафҳои ҳамгироӣ халал мерасонанд, пешниҳод карда мешавад, ки имконияти таъсиси як мақоми ҳамгироӣ байнипарлумонӣ баррасӣ гардад. Дар бораи зарурати васеъ кардани салоҳияти мақомоти иҷроияи ИИАО, омӯхтани масъалаи таҳияи механизмҳои масъулияти аъзои он ва таъмини иҷрои ҳатмии қарорҳои судӣ, ки дар санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дахлдор ба расмият дароварда шудаанд, пешниҳодҳо ироа гардидаанд. Барои омӯхтани майдони мавзӯи усулҳои тадқиқоти илмӣ умумимантиқӣ (таҳлил, синтез, индуксия, дедуксия, ҷамъбаст) ва умумилмӣ (равишҳои низомианд, институтсионалӣ ва сохторӣ-функционалӣ) истифода шудаанд. Заминаи таҳқиқотро усули маҳсули илмӣ - таҳлили сиёсӣ-ҳуқуқӣ ташиқ кардааст.

Калидвожаҳо: *Иттиҳоди иқтисодии АвруОсиё, равандҳои ҳамгироӣ, сохтори институтсионалӣ, вазифаҳо, ваколатҳои мақомоти ҳамгироӣ, қабули қарорҳои сиёсӣ, таҳлили сиёсӣ ва ҳуқуқӣ*

The article reveals the main functions and powers of integration bodies. It identifies the stages of political decision-making in the EAEU. It identifies the factors that contribute to the problems associated with the functioning of the institutional structure, and develops specific initiatives aimed at enhancing its effectiveness. To ensure the parties comply with their international legal obligations and minimize restrictions hindering the realization of integration goals, it is proposed to consider the possibility of establishing an interparliamentary integration body. Proposals have been formulated regarding the need to expand the competence of the executive body of the EAEU, to explore the issue of creating mechanisms for the accountability of its members, and to ensure the mandatory execution of court decisions formalized in the relevant international legal acts. To explore the article's subject matter, the author employed general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization) and general scientific (systemic, institutional, and structural-functional approaches) research methods. The research was based on a specialized scientific method—political-legal analysis.

Key-words: *EAEU, integration processes, institutional structure, functions, powers of integration bodies, political decision-making, political and legal analysis*

Трансформационные изменения, происходящие в современном мире, обусловленные глобальной геополитической напряженностью и формированием многополярной модели мироустройства, способствуют поиску новых форматов межгосударственного

взаимодействия для защиты национальных интересов в различных сферах жизнедеятельности социума, что порождает непрерывный процесс создания и развития на региональном уровне различных по своей природе интеграционных объединений. Евразийский регион в этом плане не является исключением.

Крупным и полноформатным евразийским интеграционным проектом, имеющим длительный период становления (начиная с распада Союза Советских Социалистических Республик, 1991 г., заключения международных договоров об Экономическом союзе, 1993 г., об учреждении Евразийского экономического сообщества, 2001 г., о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза, 2007 г., Декларации о евразийской экономической интеграции, 2011 г., и заканчивая Договором о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества в связи с началом функционирования Евразийского экономического союза) и окончательно институционализированным 1 января 2015 г., выступает Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС).

Интенсивно протекающие и динамично развивающиеся интеграционные процессы в ЕАЭС имеют социально-историческую детерминанту. В состав указанного интеграционного объединения входят отдельные страны постсоветского пространства: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация – которые обладают определенными однородными особенностями, заключающимися в наличии тесных экономических, культурных, инфраструктурных связей, схожей институциональной и нормативной архитектурой [1, с. 136].

Следует отметить, что интеграционные процессы на евразийском пространстве в целом, и институциональная структура ЕАЭС в частности, рассмотрены в трудах белорусских (В. Н. Ватыль [2], П. А. Барахвостов [3], Н. Ю. Веремеев [3], П. В. Турунцев и др.) и российских ученых-политологов, среди которых присутствуют М. В. Латугина [4], А. Ирхин, А. А. Марышев [5], А. А. Торопыгин, В. Е. Фролов, В. И. Сологуб [6], Б. В. Грачёв [7], М. Н. Смирнов. В Кыргызской Республике отдельные вопросы интеграции раскрыты Э. Джураевым, Ю. А. Мерщевой, в Республике Армения – А. Александяном.

Интеграция ЕАЭС также является предметом исследований правоведов (С. Ю. Кашкин, В. Г. Тихиня, Т. Н. Михалёва [8], К. Ж. Куандыков, К. Н. Айдарханова) и ученых-экономистов (Е. Ю. Винокуров, М. В. Мясникович, М. Т. Макеева, А. М. Жантаева, Ю. Р. Наабер, Мамбеталиев Н. Т.) и др.

Из европейских исследователей в области международной интеграции следует отметить труды Т. Балассы, Р. Болдуина, М. Кастельса и др.

Целью настоящей статьи является проведение политико-правового анализа институциональной структуры ЕАЭС.

ЕАЭС представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, обладающую международной правосубъектностью, в пределах которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, проведение единой согласованной и скоординированной политики в отраслях экономики, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанном 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) [9]. Реализация четырех свобод и проведение политики рассматриваемой международной организацией обеспечивается ее институциональной структурой, выраженной в наличии органов ЕАЭС.

Правовые основы функционирования органов ЕАЭС предусмотрены в статьях 8–19 Договора о ЕАЭС, приложении № 1 (Положение о Евразийской экономической комиссии) и приложении № 2 (Статут Суда Евразийского экономического союза) [8, с. 61; 9].

Органами ЕАЭС являются: Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет), Евразийский межправительственный совет (далее – Межправительственный совет), Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК), Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС).

Российский политолог В. И. Сологуб, раскрывая интеграционную структуру ЕАЭС, разделил ее на функционально обособленные и относительно самостоятельные элементы (блоки), в которых проявляется потенциал и работоспособность объединения. К таким блокам он отнес: стратегический (представлен Высшим советом и Межправительственным советом), отвечающий за реализацию важнейших национальных интересов государств-членов, связанных с углублением интеграционных процессов; тактический (реализуется ЕЭК посредством осуществления конкретных мероприятий для достижения стратегических целей) и индикативный (прерогатива Суда ЕАЭС, функцией которого является выявление противоречий и препятствий, препятствующих эффективному развитию интеграции) [6, с. 75–80].

Принимая во внимание предложенную В. И. Сологубом концептуальную декомпозиционную модель структуры ЕАЭС, раскроем ее состояние путем осуществления политико-правового анализа основных функций и полномочий интеграционных органов.

В стратегическом блоке, реализуемом Высшим советом, состоящим из глав государств, и Межправительственным советом, состоящим из глав правительств, определяются основные направления развития интеграционного объединения, разрешаются ключевые вопросы деятельности [9; 6, с. 75].

Компетенция органов интеграционного взаимодействия стратегического блока регламентирована Договором о ЕАЭС. Белорусский правовед Т.Н. Михалёва, исходя из положений статьи 12 Договора о ЕАЭС, регламентирующей полномочия Высшего совета, выделила внешнеполитическую, контрольную, нормотворческую функции, а также функцию планирования [8, с. 65].

Реализация Высшим советом внешнеполитической функции предусматривает определение порядка принятия в интеграционное объединение новых членов и прекращения членства в нем, утверждение порядка осуществления международного сотрудничества.

Функция планирования заключается в определении Высшим советом стратегий, направлений и перспектив формирования и развития евразийской интеграции, а также в принятии политических решений, направленных на реализацию ее целей и задач [10].

По убеждению автора, с точки зрения влияния на выработку политического курса государств-членов, стратегическая компетенция Высшего совета имеет особое значение, поскольку данный институт определяет ключевые ориентиры развития интеграции, а также принимает целеполагающие политические решения, которые учитываются странами-участницами при проведении и развитии национальной экономической политики.

Например, в Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года содержится положение, что в соответствии со Стратегическими направлениями до 2025 г., разработанными в рамках ЕАЭС, принята рекомендация Коллегии ЕЭК от 14 ноября 2025 г. № 32 «О Концепции внедрения принципов «зеленой» экономики в Евразийском экономическом союзе», согласно которой при разработке мер по осуществлению перехода к зеленой экономике в Республике Беларусь принимаются во внимание ее политико-стратегические положения.

Нормотворческая функция Высшего совета объективируется в процессе принятия

данным органом политических решений.

Процесс принятия Высшим советом политических решений можно представить путем выделения следующих стадий (фаз):

1. Формирование повестки дня (артикуляция, агрегирование проблемного вопроса, представление его на рассмотрение стратегическому органу).

2. Принятие политических решений.

3. Реализация принятых решений и осуществление контроля за ними (политико-управленческая «инструментализация»).

Формирование повестки дня (артикуляция, агрегирование проблемного вопроса, представление его на рассмотрение стратегическому органу) осуществляется следующим образом. Повестка дня заседаний Высшего совета формируется Председателем Коллегии ЕЭК на основании предложений государств-членов. Правовым основанием для формирования повестки заседаний также может служить решение Межправительственного совета, Совета ЕЭК [10].

По каждому из вопросов, включенных в повестку заседания, прилагается комплект документов и материалов, к которым относятся: справка с изложением хода работы над вопросом и обоснование необходимости принятия предлагаемого решения; проект решения (распоряжения) для подписания; анализ положительного (отрицательного) эффекта на экономику государств-членов ЕАЭС от принятия решения; иные документы [10].

Принятие политических решений. Высший совет принимает политические решения в форме решений и распоряжений на заседаниях, порядок проведения которых регламентируется Решением Высшего совета от 23 декабря 2014 г. № 96 «О порядке организации проведения заседаний Высшего Евразийского экономического совета» [10]. Заседания Высшего совета проводятся не реже одного раза в год. Для решения неотложных проблемных вопросов, касающихся деятельности ЕАЭС, по инициативе любой из сторон либо Председателя Высшего совета могут созываться внеочередные заседания.

Также документы могут быть приняты без проведения заседания путем заочного голосования. Перечень вопросов, по которым предлагается принять документы заочным способом, формируется Председателем Коллегии ЕЭК, который он направляет Председателю и членам Высшего совета. При несогласии члена Высшего совета с проектом документа по вопросу, включенному в перечень для заочного голосования, проект документа возвращается без подписания, с приложением замечаний и предложений.

Решения и распоряжения принимаются консенсусом, за исключением решения, связанного с прекращением членства одной из сторон в ЕАЭС (такое решение принимается по принципу «консенсус минус голос государства-члена, уведомившего о своем намерении прекратить членство в ЕАЭС») [9]. Такой способ принятия решений минимизирует количество разногласий, возникающих на данной стадии, поскольку предоставляет возможность заслушать и учесть позицию каждого государства-члена.

Принятые решения оформляются в письменной форме, подписываются всеми членами Высшего совета и подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством [9].

Реализация принятых решений и осуществление контроля за ними (политико-управленческая «инструментализация»). На данной стадии осуществляется мониторинг исполнения государствами-членам решений и распоряжений Высшего совета. Член Коллегии осуществляет мониторинг исполнения государствами-членами международных договоров (например, о вступлении в международную организацию), а департаменты ЕЭК отслеживают исполнение интегрированными странами решений Высшего совета [9].

Таким образом, политические решения в ЕАЭС принимаются Высшим советом на основании консенсуса государств-членов ЕАЭС, исходя из их запросов и требований, сообразно с которыми они формируют свои предложения относительно вопросов, образующих повестку дня. Это свидетельствует о том, что ведущими акторами при принятии таких решений остаются государства, входящие в данное интеграционное объединение. Политические решения, принимаемые интеграционными органами ЕАЭС, представляют собой результат достижения согласия по обсуждаемым вопросам с учетом национальных интересов.

Относительно компетенции Межправительственного совета отметим, что данный интеграционный орган осуществляет обеспечение реализации и контроля за исполнением Договора о ЕАЭС, международных договоров в ЕАЭС, решений Высшего совета; одобряет проекты бюджета и др. Решения и распоряжения Межправительственного совета принимаются консенсусом [9].

Тактический блок реализуется посредством деятельности такого органа, как ЕЭК, состоящего из Коллегии и Совета. Роль ЕЭК в интеграции имеет двойственный характер. С одной стороны, ЕЭК является основополагающим исполнителем интеграции, т.е. органом, непосредственно реализующим различные по содержанию мероприятия и осуществляющим тактическое руководство процессами, происходящими внутри ЕАЭС. При этом вырабатываемые ЕЭК тактические планы, унифицированные правила и процедуры базируются на стратегических основах, закладываемых Высшим советом и Межпарламентским советом. С другой стороны, ЕЭК выполняет нормотворческую функцию, принимая решения, распоряжения и рекомендации (акты «мягкого права»), имеющие нормативно-правовой и обязательный для исполнения характер [6, с. 78].

Третьим элементом в интеграционной структуре является индикативный блок, представленный Судом ЕАЭС. «Индикативный элемент направлен на выявление и устранение отдельных несоответствий между заложенными параметрами структуры интеграции и ее непосредственным функционированием путем создания возможности для субъектов интеграции оспаривания незаконного или несправедливого, по их мнению, положения дел» [6, с. 82]. Целью Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и интеграционными органами международно-правовых положений, входящих в право ЕАЭС. Он рассматривает споры, связанные с применением указанных положений, обращениями государств-членов и хозяйствующих субъектов о соответствии вновь принимаемых норм Договору о ЕАЭС, и осуществляет их разъяснение [6, с. 81–83]. В свою очередь, белорусский ученый-политолог Е.Н. Ватыль придает наиболее существенное значение Суду, определяя его как наднациональный институт, основное значение которого сводится к разрешению конфликтов, возникающих в ходе воплощения международных договоренностей и постановлений различных инстанций, а также к утверждению единообразия правовых норм и правил [2, с. 82]. Подчеркнем, что наднациональный характер Суда прослеживается в юридической силе выносимых им решений, являющихся обязательными для исполнения сторонами спора [9].

Наряду с разработанной В. И. Сологубом концептуальной декомпозиционной институциональной структурой, в политологии есть и измерительная модель наднациональных интеграционных институтов ЕАЭС. Измерительную модель представил белорусский политолог В. Н. Ватыль. Он рассматривает институциональное измерение сквозь призму наднационального уровня регулирования интеграционных процессов и утверждает, что органы ЕАЭС составляют основу такого регулирования, имеют соответствующие принципы, ресурсы и полномочия [2, с. 78]. Более детальное внимание

автор уделяет рассмотрению ЕЭК и характеризует ее как ведущую регулируемую структуру. Наднациональная компетенция данного института заключается в принятии решений по соответствующей нормативной процедуре, которые приобретают союзную правосубъектность [2, с. 79].

На важность нормотворческой функции ЕЭК, детерминирующей ее наднациональную компетенцию, обращает внимание и российский политолог Б. В. Грачёв. По его мнению, ЕЭК характеризуется как центральный элемент политической системы интеграционного объединения и постоянно действующий орган управления, сотрудники которого руководствуются интересами сообщества, а не отдельных стран [7, с. 76]. Данный орган формируется, как только появляется потребность в принятии оперативных решений в интересах всех членов объединения. Внутренняя структура, как правило, соответствует направлениям ее деятельности, определенных текущей стадией интеграционного процесса. Например, изначально круг её компетенцией ограничен внешнеторговой и таможенной областями взаимодействия, на более высоких этапах интеграции в него включаются вопросы труда, валютного регулирования, налогообложения и др. «Чем больше компетенций передается на наднациональный уровень, тем обширнее становится институциональная структура организации, которая с течением времени все больше начинает напоминать систему органов государственной власти» [7, с. 76–77].

ЕЭК как наднациональный институт и автором настоящей статьи осмысливается как первостепенный по причине юридической силы решений, принимаемых данным органом, заключающейся в их прямом действии и приоритетности над национальным законодательством, которое должно приводиться в соответствие с ним. В связи с этим на государственное управление и политические процессы государств-членов оказывают непосредственное влияние решения, принимаемые в объединении интеграционным органом ЕЭК.

Кроме того, указанный орган имеет широкую функциональную мультиотраслевую компетенцию, предмет которой составляют сферы деятельности, начиная с таможенно-тарифного и нетарифного регулирования внешнеторговой политики и таможенного регулирования и заканчивая валютным регулированием, интеллектуальной собственностью и трудовой миграцией. Это свидетельствует о достаточно высоком этапе развития интеграции ЕАЭС. Делегирование государствами-членами ЕЭК широкого спектра сфер, в которых данный интеграционный орган уполномочен осуществлять деятельность в пределах компетенции, предусмотренной Договором о ЕАЭС, оказывает влияние на функциональную составляющую государственного управления путем модификации объема и содержания соответствующей компетенции национальных политических институтов.

Таким образом, институциональная структура ЕАЭС является многогранной и объективированной в деятельности интеграционных органов, которая существенно разнится.

При этом в текущем моменте развития евразийского интеграционного объединения существуют определенные проблемы, связанные с функционированием его институциональной структуры. К факторам, обуславливающим их наличие, автор относит:

- 1) реализацию не в полном объеме ключевых мер и механизмов, необходимых для достижения целей интеграции, установленных Договором о ЕАЭС;
- 2) недостаточный уровень эффективности деятельности ЕЭК;
- 3) отсутствие конкретного механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда.

Детально раскроем каждый из приведенных факторов, наличие которых детерминирует проблемы функционирования органов ЕАЭС.

Первый фактор – реализация не в полном объеме ключевых мер и механизмов, необходимых для достижения целей интеграции, установленных Договором о ЕАЭС (заключенных в создании условий для стабильного развития экономик, в стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, а также во всесторонней модернизации, кооперации, повышении конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики) [9].

Ключевые меры и механизмы, необходимые для достижения указанных целей, содержатся в политико-стратегических документах. В частности, Решением Высшего совета от 11 декабря 2020 г. № 12 были утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее – Стратегические направления до 2025 г.) [11].

В указанном стратегическом акте меры и механизмы подлежали реализации в рамках одиннадцати направлений, среди которых особое внимание было уделено максимальному сокращению изъятий и ограничений для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке ЕАЭС. Вместе с тем в настоящее время все так же, как и в 2020 г., присутствует ряд ограничений (препятствий, возникших вследствие отсутствия правового регулирования отношений, развитие которых предусмотрено правом ЕАЭС). По состоянию на февраль 2026 г. действует 35 ограничений [12]. В связи с этим, в Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в Евразийском экономическом союзе до 2030 года и на период до 2045 года в качестве одной из задач дальнейшего развития экономических интеграционных процессов до 2030 года фигурирует задача о максимальном устранении указанных препятствий [13].

Наличие ограничений преимущественно связано с проведением не в полном объеме государствами-членами законотворческой работы, связанной с выполнением международно-правовых обязательств по гармонизации и унификации национального законодательства объединившихся стран. Например, в качестве таких ограничений выступают: отсутствие согласованного правового регулирования в сфере обращения сильнодействующих веществ; недостаточность гармонизации законодательства государств-членов в области аккредитации и прочие [12].

По мнению автора, с учетом изложенного, сближению законодательства государств-членов, а равно минимизации ограничений, имеющихся на внутреннем рынке ЕАЭС, будет способствовать учреждение межпарламентского измерения.

Следует отметить, что при разработке Договора о ЕАЭС также поднимался вопрос о создании представительного органа, однако в итоговом проекте международного документа участники объединения отказались от его учреждения, поскольку, как отмечает российский политолог А.А. Марышев, уже на первых заседаниях рабочей группы по формированию парламентского измерения ЕАЭС обнаружилось принципиальное разногласие сторон как по структуре, так и по этапам и срокам его организации. Также на тот момент окончательно не был решен вопрос о роли ЕАЭС как актора интеграционного взаимодействия и участия в данной международной организации Кыргызстана и Таджикистана [5, с. 152].

На текущий период опыт органов межпарламентской интеграции на постсоветском пространстве является достаточно успешным [9, с. 62]. Например, в Союзном государстве действует представительный и законодательный орган – Парламент Союзного государства. К компетенции данного представительного интеграционного органа

относится: принятие законов, содействие унификации законодательства стран-участниц, обеспечение взаимодействия парламентов сторон [14].

Отметим, что о практической целесообразности учреждения в ЕАЭС межпарламентского органа, обеспечивающего взаимодействие законодательных органов государств-членов, ориентированного на сближение национального законодательства сторон, и, как следствие, на развитие интеграции, отметил 15 января 2025 г. на Молодежном форуме М.В. Мясникович, профессор, доктор экономических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, председатель Коллегии ЕЭК (с 1 февраля 2020 по 2024 год).

Таким образом, учитывая, что ряд обозначенных выше проблемных вопросов, связанных с формированием парламентского интеграционного измерения, на сегодняшний день разрешен, и принимая во внимание позитивный опыт функционирования представительных органов в иных объединениях, имеющих на постсоветском пространстве, всесторонняя проработка возможности реализации интеграционного межпарламентского органа имеет в настоящее время продуктивный потенциал. Такой потенциал заключается в создании более оперативных и эффективных механизмов принятия решений и исполнения сторонами Договора о ЕАЭС принятых на себя международно-правовых обязательств, установлении более тесного взаимодействия представительных органов сторон, а также в минимизации барьеров и ограничений, препятствующих целям интеграции.

Далее перейдем к раскрытию второго фактора, обуславливающего наличие проблем, связанных с функционированием институциональной структуры, – недостаточного уровня эффективности деятельности ЕЭК.

В соответствии с мерами и механизмами Стратегических направлений до 2025 г., предусматривалось наделение ЕЭК дополнительной компетенцией в целях координации, мониторинга и нормативного обеспечения соответствующих ориентиров, а также усиление ее ответственности, дисциплины, прозрачности работы и подотчетности государствам-членам [11]. Это послужило основанием для повышения эффективности деятельности ЕЭК, выраженной в обеспечении максимально действенной институциональной системы ЕАЭС, гарантирующей выполнение принятых договоренностей (одно из стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.) [11].

Для достижения данного ориентира в Стратегических направлениях до 2025 г. был закреплен перечень мер, подлежащих принятию. К числу таких мер относилось создание механизма, предусматривающего ответственность членов Коллегии и должностных лиц ЕЭК за несоблюдение ими права ЕАЭС и международно-правовых актов интеграционного объединения. Вместе с тем в настоящее время, как и в 2020 г., наряду с возможностью применения мер дисциплинарного воздействия, нормативно предусмотрены только отдельные вопросы, связанные с возможностью отзыва и досрочного прекращения полномочий члена Коллегии в случае недобросовестного исполнения им его должностных обязанностей, регулируются Положением о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) и Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Высшего совета от 23 декабря 2014 г. № 98 [15].

При этом конкретно определенный и систематизированный в одном международно-правовом акте механизм ответственности, содержащий детальное санкционное обеспечение и регламентирующий соответствующие процедурные аспекты, отсутствует.

В связи с изложенным и учитывая закрепленную в политико-стратегических документах необходимость применения согласованных действий в целях минимизации негативного эффекта на государства-члены от глобальных вызовов и угроз [11],

повышения ответственности за общий результат [13], что способствует формированию ЕАЭС как полюса экономического притяжения, полагаем, что создание механизма ответственности членов Коллегии и должностных лиц ЕЭК, формализованного в едином правовом акте, является целесообразным и обоснованным.

Кроме того, для обеспечения максимально эффективной институциональной системы Стратегические направления до 2025 г. предусматривали необходимость расширения компетенции ЕЭК относительно предоставления ей права на обращение в Суд при неисполнении решений интеграционных органов в части, касающейся исполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка, и в Высший совет – при невыполнении решения Суда в такой части с целью принятия необходимых мер [11]. Вместе с тем, согласно Статуту Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС), исключительно государство-член вправе обратиться в судебный орган ЕАЭС с заявлением о соблюдении другим государством-членом принятых на себя международно-правовых обязательств и в Высший совет в случае неисполнения судебного решения. С учетом наличия на текущее время ряда ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС, полагаем, что расширение компетенции ЕЭК в рассмотренном направлении позволит сократить их количество.

В заключение рассмотрим третий фактор, детерминирующий наличие проблем, связанных с функционированием институциональной структуры, – отсутствие конкретного механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда. Отметим, что создание указанного механизма являлось одной из слагаемых, направленных на обеспечение действенной институциональной архитектуры в период с 2020 по 2025 гг. [11]. При этом, однако, он также не был создан.

Решения Суда обязательны для исполнения сторонами спора [9]. При этом в практике судебного евразийского органа имеются случаи неисполнения (ненадлежащего исполнения) вынесенных Судом решений. В рассматриваемом контексте примечательно подчеркнуть, что предшественник Суда – Суд ЕврАзЭС, – действовавший с 1 января 2012 г. по 31 декабря 2014 г., в силу пункта 1 статьи 25 своего Статута был уполномочен предписывать меры для исполнения решений [16] и использовал в конкретных делах эту компетенцию [17]. В свою очередь, Суд не наделен такой компетенцией, а действующая редакция его Статута предоставляет спорящим сторонам дискреционное полномочие в вопросах исполнения судебных решений (в части определения форм и способов их исполнения без ущерба для положений Договора о ЕАЭС) [9].

По мнению российского правоведа в области международных отношений, П.П. Мысливского, данная конструкция «не слишком удачна по своей сути и сопряжена со множеством рисков, которые уже дают знать о себе на практике. Так, «проигравшая» сторона может недобросовестно использовать свою дискрецию и тем самым нарушить публичный порядок» [18]. И практика демонстрирует наличие таких ситуаций в части исполнения ЕЭК решений Суда. По утверждению судьи Суда ЕАЭС Т.Н. Нешатаевой, ЕЭК скорее пытается создать «видимость исполнения судебных актов» [19]. Так, показательным является пример об исполнении ЕЭК судебного решения об исключении из Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС не соответствующей Договору о ЕАЭС подсубпозиции товара (по заявлениям АО «СУЭК-Кузбасс», ООО «Польские машины» против ЕЭК), определенный стороной способ реализации которого повлек необходимость многократного обращения предпринимателей в Суд для фактического приведения в исполнение такого решения [18].

Такая практика, наряду с аргументами, представленными автором при описании второго

фактора, также свидетельствует о необходимости установления механизма ответственности должностных лиц ЕЭК в случае ненадлежащего исполнения решений Суда.

С учетом изложенного и в целях создания условий, направленных на обеспечение обязательного исполнения решений Суда, предлагаем вернуться к проработке создания соответствующего правового механизма, при этом предоставив Суду нормативную возможность предусматривать конкретные меры для исполнения того или иного решения.

Таким образом, устранение вышеописанных факторов будет способствовать оптимизации и росту действенности институциональной структуры ЕАЭС и, как следствие, достижению основных целей интеграции.

На основании проведенного в настоящей статье политико-правового анализа институциональной структуры ЕАЭС сформулируем следующие выводы.

1. С точки зрения влияния на выработку политического курса государств-членов, стратегическая компетенция Высшего совета имеет особое значение, поскольку данный интеграционный институт определяет направления и перспективы формирования и развития интеграции, а также принимает решения, направленные на реализацию целей ЕАЭС, которые учитываются странами при проведении и развитии национальной экономической политики.

2. Стадиями процесса принятия Высшим советом политических решений в ЕАЭС являются:

1) формирование повестки дня (артикуляция, агрегирование проблемного вопроса, представление его на рассмотрение стратегическому органу);

2) принятие политических решений;

3) реализация принятых решений и осуществление контроля за ними (политико-управленческая инструментализация).

3. Ведущими акторами при принятии политических решений остаются государства, входящие в данное интеграционное объединение. Принятие таких решений представляет собой результат достижения согласия по обсуждаемым вопросам с учетом национальных интересов.

4. Делегированный государствами-членами ЕЭК широкий спектр сфер, в которых данный орган уполномочен осуществлять деятельность в пределах компетенции, предусмотренной Договором о ЕАЭС, в том числе связанную с нормотворчеством решений прямого действия, оказывает влияние на государственное управление и политические процессы стран-участниц.

5. К факторам, обуславливающим наличие проблем, связанных с функционированием институциональной структуры, относятся:

– реализация не в полном объеме ключевых мер и механизмов, необходимых для достижения установленных Договором о ЕАЭС целей интеграции;

– недостаточный уровень эффективности деятельности исполнительного органа – ЕЭК;

– отсутствие конкретного механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда.

6. В целях повышения действенности функционирования институциональной структуры предложено:

– рассмотреть возможность учреждения интеграционного межпарламентского органа, имеющего продуктивный потенциал, заключающийся в создании более оперативных и эффективных механизмов принятия решений и исполнения сторонами Договора о ЕАЭС, принятых на себя международно-правовых обязательств, в том числе в области гармонизации и унификации законодательства государств-членов, в установлении более тесной коммуникации представительных органов сторон, минимизации ограничений, препятствующих реализации целей интеграции;

- проработать вопрос о создании механизмов ответственности членов Коллегии, должностных лиц ЕЭК и обеспечения обязательного исполнения решений Суда, формализованных в соответствующих международно-правовых актах;
- расширить компетенцию ЕЭК в части предоставления ей возможности обращаться в Суд с заявлением о соблюдении государствами-членами принятых на себя международно-правовых обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка ЕАЭС и в Высший совет в случае неисполнения соответствующего судебного решения;
- наделить Суд правомочием предусматривать конкретные меры для исполнения принятых им решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Герасимович, К. А. *О формировании интеграции в рамках ЕАЭС // Политическая наука как призвание и профессия (к 75-летию доктора политических наук, профессора кафедры политологии, заслуженного работника образования Республики Беларусь Решетникова Сергея Васильевича) [Электронный ресурс]: материалы круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорус. гос. ун-т. Минск, 27 июня 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Н. А. Антонович (гл. ред.), С. В. Решетников, Л. В. Слуцкая. – Минск, 2024. – С. 136 – 140.*
2. Ватыль, В. Н. *Политическое регулирование региональных интеграционных процессов: наднациональный и национальный уровни: монография / В. Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2021. – 191 с.*
3. Барахвостов, П. А. *Евразийская интеграция: учеб.-метод. пособие / П. А. Барахвостов, Н. Ю. Веремеев. – Мозырь: Выснова, 2020. – 164 с.*
4. Лагутина, М. Л. *Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века: (на примере Евразийского экономического союза): автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Лагутина Мария Львовна; С.-Петербур. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – 45 с.*
5. Марышев, А. А. *Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте евразийской перспективы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Марышев Александр Анатольевич; Рос. гос. педагог. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2013. – 207 с.*
6. Сологуб, В. И. *Современные интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Сологуб Виталий Игоревич; Дипломат. академ. МИД России. – Москва, 2019. – 182 с.*
7. Грачёв, Б. В. *Модель политической системы международного интеграционного объединения (на примере Евразийского союза): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Грачёв Богдан Валерьевич; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2018. – 199 с.*
8. Михалёва, Т. Н. *Право Евразийского экономического союза: учеб.-метод. пособие / Т. Н. Михалёва. – Минск: БГУ. – 2022. – 191 с.*
9. *Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.: в ред. от 21 нояб. 2023 г.: с изм. от 28 июл. 2025 г. // ЭТАЛОН: Информ. поисковая система (дата обращения: 05.11.2025).*
10. *Порядок организации проведения заседаний Высшего Евразийского экономического совета: утв. Решением Высш. Евраз. эконом. совета от 23 дек. 2014 г. № 96: в ред. от 11 окт. 2017 г. № 13 / «КонсультантПлюс». – Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 05.11.2025).*

11. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.: утв. Решением Высшего Евраз. эконом. совет. от 11 дек. 2020 г. № 12 // «КонсультантПлюс». – Беларусь: Справ. правовая система (дата обращения: 22.01.2026).
12. Функционирование внутреннего рынка Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru> (дата доступа: 22.01.2026).
13. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» // Правовой портал Евразийского экономического союза. – URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/> (дата доступа: 23.01.2024).
14. Договор о создании Союзного государства: подписан в г. Москве 8 декаб. 1999 г. // ЭТАЛОН: Информ. поисковая система (дата обращения: 05.11.2025).
15. Регламент работы Евразийской экономической комиссии: утв. Решением Высшего Евраз. эконом. совет. от 23 дек. 2014 г. № 98 // «КонсультантПлюс». – Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 22.01.2026).
16. Статут Суда Евразийского экономического сообщества: подписан в г. Астане 5 июля 2010 г.: в ред. от 10 окт. 2011 г. // «КонсультантПлюс». – Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 23.01.2026).
17. Постановление Суда Евразийского экономического сообщества от 8 апр. 2013 г. // «КонсультантПлюс». – Беларусь: Справ. правовая система (дата обращения: 23.01.2026).
18. Мысливский, П. П. Исполнение актов суда Евразийского экономического союза: обзор первых проблем и путей их решения / П. П. Мысливский // Журнал ВШЭ по международному праву. – 2023. – Т. 1. – № 2. – С. 42 – 53. – URL: <http://jil.hse.ru/article/download> (дата обращения : 24.01.2026).
19. Особое мнение судьи Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года. – URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/623/%D0%9E%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B5%20%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9D%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).

REFERENCES:

1. Gerasimovich, K. A. *On the Formation of Integration within the EAEU // Political science as a vocation and profession (on the occasion of the 75th anniversary of Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus Sergey Vasilyevich Reshetnikov) [Electronic resource]: materials of the round table of the Department of Political Science of the Faculty of Law. Belarusian State University, Minsk, June 27, 2024 / Belarusian State University; editors: N. A. Antonovich (chief editors), S. V. Reshetnikov, L. V. Slutskaya. – Minsk, 2024. – PP. 136–140.*
2. Vatył, V. N. *Political Regulation of Regional Integration Processes: supranational and national levels: monograph / V. N. Vatył. Grodno: Kupala State University of Fine Arts, 2021, 191 pp.*
3. Barakhvostov, P. N. *Eurasian Integration: Textbook. – the method. manual / P. N. Barakhvostov, Y. N. Veremeeva. – Mozyr: Vysnova, 2020. – 164 pp.*
4. Lagutina, M. L. *The Global Region as an Element of the World Political System of the 21st century: (on the example of the Eurasian Economic Union): dis. ... doctor polit. sciences: 23.00.04 / Lagutina Maria Lvovna; St. Petersburg State University. – Saint Petersburg, 2016. – 45 pp.*

5. Maryshev, A. A. *Integration Processes in the Post-Soviet Space in the Context of the Eurasian Perspective: dis. ... cand. polit. sciences: 23.00.04 / Maryshev Alexander Anatolyevich; Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – St. Petersburg, 2013. – 207 pp.*
6. Sologub, V. I. *Modern Integration Processes in the Eurasian Economic Union: dis. cand. polit. sciences: 23.00.04 / Sologub Vitaly I.; Diplomat. the academy. The Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, 2019. – 182 pp.*
7. Grachev, B. V. *The Model of the Political System of the International Integration Association (on the example of the Eurasian Union): dis. ... cand. polit. Science: 23.00.04 / Bogdan V. Grachev; Lomonosov Moscow State University. – Moscow, 2018. – 199 pp.*
8. *Treaty on the Eurasian Economic Union: signed in Astana, May 29, 2014: as amended on November 21, 2023: with amendments of July 28, 2023. 2025 // ETALON: information search system (date of appeal: 07.02.2026).*
9. Mikhaleva, T. N. *Law of the Eurasian Economic Union: teaching aid. manual / T. N. Mikhaleva. – Minsk: BSU. – 2022. – 191 pp.*
10. *Procedure for Organizing Meetings of the Supreme Eurasian Economic Council: approved. by the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 23 December 2014, № 96: as amended on 11 October 2017, № 13 / ConsultantPlus. Belarus: reference legal system (date of appeal: 24.01.2026).*
11. *Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025: approved. by the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 11 December 2020, № 12 // ConsultantPlus. Belarus: reference. legal system (date of appeal: 22.01.2026).*
12. *Functioning of the Internal Market of the Eurasian Economic Union // Eurasian Economic Commission. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru> (date of appeal: 22.01.2026).*
13. *Declaration on the Further Development of Economic Processes within the Eurasian Economic Union until 2030 and for the Period up to 2045 “Eurasian Economic Path” // Legal Portal of the Eurasian Economic Union. – URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/> (date of appeal: 23.01.2024).*
14. *Treaty on the Establishment of the Union State: signed in Moscow, 8 December 1999 // ETALON: information search system (date of appeal: 24.01.2026).*
15. *Regulations of the Eurasian Economic Commission: approved. By the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 23, 2014, No. 98 // ConsultantPlus. Belarus: Reference Legal System (date of appael: 24.01.2026).*
16. *Statute of the Court of the Eurasian Economic Community: signed in Astana on July 5, 2010: as amended on October 10, 2011 // ConsultantPlus. Belarus: Reference Legal System (date of appeal: 24.01.2026).*
17. *Resolution of the Court of the Eurasian Economic Community of April 8, 2013 // ConsultantPlus. Belarus: Reference Legal System (date of appeal: 24.01.2026).*
18. *Myslivsky, P. P. Enforcement of Acts of the Court of the Eurasian Economic Union: A Review of Initial Problems and Solutions / P. P. Myslivsky // HSE Journal of International Law. – 2023. – Vol. 1. – № 2. – P. 42 – 53. – URL: <http://jil.hse.ru/article/download> (date of appeal: 24.01.2026).*
19. *Dissenting Opinion of a Judge of the Court of the Eurasian Economic Union dated October 18, 2021. – URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/623/%D0%9E%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B5%20%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9D%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9.pdf> (date of appeal: 25.01.2026).*